
Оригинал находится здесь: philolog.ru

Тому два года французский "Журнал прений" торжественно объявил Европе, что в России скончался один из первоклассных ее поэтов, г. Державин[1]. В конце прошедшего года издано во Франции "Собрание русских повестей, выбранных из Булгарина, Карамзина и других" ("Le conteur russe, par Bulgarine, Karamsin et autres") [2].

Скажите, чтѢ страннее: говорить о русской литературе, не зная Державина, или ставить вместе имена Булгарина, Карамзина и других? Который из двух примеров доказывает большее незнание нашей словесности?

Чтобы решить этот вопрос, надобно иметь особенно тонкую проицательность, которою я не смею гордиться, и потому предоставляю это дело моим читателям. Но, во всяком случае, кажется мне несомненным одно, что русская литература известна во Франции почти столько ж, сколько персидская или татарская.

И мысль, что ни одна тень нашей мысли, ни один звук нашего голоса не дойдут до народов образованных, – это тяжелая мысль, и кроме грусти она должна иметь еще другое вредное влияние на наших писателей. Литератор наш невольно стесняет круг своей умственной деятельности, думая о своих читателях, между тем как писатель французский при мысли о печатании расширяет свои понятия, ибо при каждом счастливом движении ума, при каждом чувстве поэтически-самобытном, при каждом слове удачно сказанном является ему надежда, вдохновительная надежда на сочувствие со всем, что в мире есть просвещенного и славного.

Вот почему каждое покушение познакомить образованных иностранцев с нашею словесностью должно встречать в нас отзыв благодарности и возможно верную оценку.

Но между всеми переводчиками с русского языка три особенно замечательны удачею своих переводов. Бауринг, который один из трех был оценен и, может быть, даже переценен иностранными и русскими критиками; Карл фон дер Борг, которого переводы имеют, без сравнения, большее достоинство³, но который, несмотря на то, известен весьма не многим и еще ни в одном журнале не нашел себе справедливого суда, и, наконец, Каролина фон Яниш, которой замечательная книга явилась на последней лейпцигской ярмарке и обнаруживает, кажется, талант еще превосходнейший[*].

Но, как ни утешительно это начало дружеского сближения нашей словесности с литературою немецкою, признаюсь, однако, что мне было больше досадно, чем приятно видеть, как одного из первоклассных поэтов наших лучше всех русских понял и оценил – писатель немецкий!

Г. фон дер Борг в одном из последних нумеров "Дерптских летописей" [**] в нескольких строчках сказал больше справедливого о сочинениях Языкова, нежели сколько было сказано о них во всех наших периодических и неперидических изданиях. Впрочем, и то правда, что до сих пор у нас еще не говорили об Языкове, а только вскрикивали. Один "Телеграф"⁵ высказал свое мнение, и тот, судя о Языкове, не был, кажется, свободен от таких предубеждений, с которыми истина не всегда уживается.

[*] *Das Nordlicht. Proben der neueren russischen Literatur von Caroline von Jaenisch.*

[**] *Dorpaten Jahrbucher fur Literatur, Statistik und Kunst, besonders Russland's, herausgegeben von Profes. Dr. Blum, Dr. Bunge, Dr. Goedel, Dr. Neue, Dr. Struve, v. d. Borg, Dr. Fridlander, Dr. Kruse, Dr. Rathke, Dr. Walter*[4].

При начале статьи своей г. фон дер Борг жалуется на тяжелое чувство, которое возбуждают в нем новейшие поэтические произведения Европы, и при этом случае говорит о том утешении, которое доставляет ему созерцание "литературы свежей, юношеской, которая еще не достигла времени своего полного процветания, но уже дает его предчувствовать".

Кто не разделит с г. Боргом того ощущения, которое возбуждает в нем современная поэзия Европы? Но что касается до особенного утешения, которое